

СУЛАМИФЬ МЕССЕРЕР:

Культура. — 2003. — 4-10 сент. — с. 12

Мне хочется жить!..

Исполнилось 95 лет талантливой балерине и выдающемуся педагогу Суламифи Мессерер. Она родилась в многодетной семье московского врача. Пятеро детей стали артистами. Азарий Азарин служил во Втором МХАТе, Асаф и Суламифь Мессерер блистали на сцене Большого театра, Рахиль, мать Майи Плисецкой, подавала большие надежды как артистка кино, а Елизавета посвятила себя драматическому театру под руководством Юрия Завадского. Балерина невероятно широкого репертуара, Суламифь Мессерер танцевала на сцене Большого театра до 1950 года, затем преподавала в родном театре и в Московском хореографическом училище. Много работала в Японии. С 1980 года живет за рубежом. В редакции журнала "Балет" хранятся раритетные материалы, посвященные С. Мессерер. Они включают рассказы, написанные самой Суламифью Михайловной, о семье, о годах учебы, работы в Большом театре, письма. Часть воспоминаний записана театральным художником, коллекционером с мировым именем, историком и аналитиком моды Александром Васильевым во время его встреч с Суламифью Михайловной в Токио. Мы благодарим главного редактора журнала "Балет" Валерию Уральскую за предоставленное право на публикацию фрагментов из этой, пока, к сожалению, не изданной книги.

Мои родители

Как-то моя старшая сестра Эля спросила маму, кого из детей она больше всего любит. Мама ответила: "У меня десять пальцев на руках, какой ни порежешь — одинаково больно!" В нашей семье было десять детей. Правда, двое: Пнина и Моисей умерли еще в отрочестве. О Пнине родители часто вспоминали, ставя ее мне в пример. По их словам, она была самой способной, училась только на отлично. Особенно я запомнила рассказ отца о том, как он поехал из Вильно в Москву и обещал привезти тяжелобольной Пнине куклу с закрытыми глазами. Девочка ждала подарка с нетерпением и представляла себе куклу почему-то белокурой, с голубыми глазами. Но кукла оказалась брюнеткой. Разочарованная Пнина отвернулась и не взяла подарок. Я не забуду грустные глаза отца, когда он вспоминал это. Но мама, как всегда, разрядила обстановку одним из своих мудрых афоризмов: "Все живое рождается очень маленьким и постепенно становится все больше и больше, только горе рождается сразу большим и постепенно становится все меньше и меньше".

Мама, Симма Моисеевна (урожденная Шабад) происходила из древнего рода, который прославили знаменитые вильненские раввины. Она была в молодости очень красива, во всем ее облике сквозило благородство. Мама никогда нас не наказывала, только взлещет с укором и тихо спросит: "Разве это хорошо?" И от этого взгляда хотелось провалиться сквозь землю. О ее материнской заботе говорит хотя бы тот факт, что во время Гражданской войны, в 1919 году, когда мы умирали от голода, она, хрупкая женщина, совершила опаснейшее путешествие на юг, в Тамбов. Ехала на крыше вагона, так как в самих вагонах была давка смертоубийственная. ... Она привезла домой мешок муки, который спас наше семейство в тот страшный год.

Мама была душой семьи, но главой ее был отец, подлинный патриарх. Уважение к нему прежде всего основывалось на благоговейном страхе перед его энциклопедическими знаниями. Он изучил в совершенстве древнееврейский и семь европейских языков, причем английский начал учить в возрасте 68 лет и уже через год мог читать Шекспира в подлиннике. Одно время он преподавал иностранные языки в частной гимназии Шнейерсона, всю жизнь составлял толковый словарь древнееврейского языка. Настоящей трагедией была для него потеря большей части статей этого словаря, которые конфисковали во время облыбы чекисты, посчитавшие рукопись подозрительным, "шпионским" шифром.

Разговаривая с американцами, которые с гордостью повествуют о своих предках, бежавших от погромов из еврейских местечек в начале века, а потом в поте лица работавших на швейных фабриках, чтобы дать детям образование, я иногда немножко эпатирую их, заявляя, что наша семья, увы, не эмигрировала тогда, потому что в отличие от их предков мой отец состоялся в России. Действительно, в числе очень ограниченного

числа евреев Михаил Борисович Мессерер сумел сдать экстерном экзамены на медицинском факультете и, получив диплом зубного врача, завоевал право работать в Москве.

Несомненно, наши актерские способности — от отца. Когда он рассказывал нам легенды древнего мира, то на глазах перевоплощался в легендарных героев. Особенно он любил библейские легенды, неслучайно всех своих детей он награждал старинными библейскими именами: Азарий, Маттаний, Суламифь, Асаф, Рахиль, Эммануил, Аминодав, Элишева, Эрелла. С такими именами в России жить было отнюдь не просто, но постепенно они стали органичной частью духовного мира каждого из нас. И в какой-то степени определили неповторимость личности каждого.

Отец был удивительно жизнерадостным человеком и, что называется, легким на подъем. До преклонных лет сохранил он молодой дух и бодрость. В 1936 году, когда ему было 70 лет, он собрался ехать на Северный полюс в качестве зубного врача для полярников. Несмотря на все уговоры родных не пускаться в это опасное предприятие, он твердо решил осуществить свой план. Вещи уже были упакованы, куплены валенки, шапка с длинными ушами, железнодорожные билеты, но в самую последнюю минуту ему сообщили, что организация, которая его отправляла, не успела подготовить экспедицию к сроку, и навигация закрылась. Мы все вздохнули с облегчением.

Вскоре после этой несостоявшейся экспедиции он женился, и у него родилась дочь Эрелла, которая была младше старшей его внучки Майи Плисецкой на 12 лет.

Театр был его страстью. После каждого спектакля он записывался в своем кабинете и обдумывал увиденное, потом нередко перечитывал письмо или роман, по которому была сделана инсценировка, и только тогда говорил свое мнение. Видимо, определенную роль играл и круг знакомств: среди друзей отца были видные критики и знаменитые артисты, например, профессор Жирмунский, известный певец Сирота и другие. Они и собирались главным образом для того, чтобы поделиться впечатлениями о литературных или театральных событиях.

Нам, детям, он всегда охотно передавал свои идеи, более того, поощрял наши рассказы увиденных спектаклей в лицах, а затем внимательно смотрел, как мы разыгрываем особенно понравившиеся сцены. Вскоре его роль семейного театрального режиссера перенял старший сын Азарий, который впоследствии стал не только великопленным актером Второго МХАТа, но и главным режиссером Театра Ермоловой и постановщиком спектаклей в других московских театрах. Мы же были первыми его зрителями и безумными поклонниками.

...Передо мной стопка писем и открыток от отца. Они написаны четким бисерным почерком, с педантичным соблюдением всех знаков препинания. И некоторые его описания настолько живы и образны, что могли бы стать частью литературного рассказа. Вот как, например, он в свои

Вверху: С. Мессерер. Слева: в сцене из балета "Дон Кихот". Справа: А. Мессерер и С. Мессерер. Концертный номер "Пьеро и Пьеретта". 1932 г.

74 года описывает поезд в деревню Кинель-Черкассы, куда его закинула судьба во время эвакуации:

"Село очень большое. Ни мостовой, ни тротуара нет. Улица вся покрыта травой, и на ней пасутся путаные лошади. Небо широкое, широкое, воздух чистый и обильный. Днем жарко, ночью холодно. Во время дождей образуется грязь невылазная, липкая, но через день все высыхает, и можно ходить без галош. Для меня здешний воздух благотворный, и я чувствую себя довольно прилично. Здесь будет хорошо, по-видимому, до октября месяца. С октября начнутся дожди и холода. Дожди тропические и холода арктические — до 50 градусов ниже нуля..." Заканчивается письмо на оптимистичной ноте: "Знаете ли, дорогие дети, мне хочется жить. Мне хочется дожить до того, как погибнет Гитлер, как рухнет все его планы и как осуществится декларация Рузвельта и Черчилля. (Письмо датировано днем моего рождения, 27 августа 1941 года).

Последующие его письма полны тревоги за нас, особенно за сыновей Эммануила и Александра (мы звали их Нулей и Нодей). Он чувствовал, что от него скрывают какую-то трагедию, требовал, чтобы и Нуля, и Нода срочно написали хотя бы одну фразу: "Я жив". Но Нуля не мог уже написать этого, он погиб во время

бомбежки, когда дежурил на крыше московского здания на Садово-Кудринской, что напротив Филатовской больницы. На следующий день Асаф и Нода в развалинах нашли оторванную руку и по тонким пальцам музыканта узнали — это рука Нули. Нода не мог долго писать отцу еще и потому, что во время другой бомбежки осколком залетел в комнату и убил его грудного сына.

А письма отца становились все более отчаянными, по почерку, теперь уже нетвердому, мы чувствовали, что он тяжело болен. Наконец мне удалось вырваться к нему. Ехала я из Куйбышева на переполненном поезде, который, не доезжая Кинель-Черкасов, поворачивал в сторону, так что пришлось с помощью проводника ете ли, дорогие дети, мне хочется жить. Мне хочется дожить до того, как погибнет Гитлер, как рухнет все его планы и как осуществится декларация Рузвельта и Черчилля. (Письмо датировано днем моего рождения, 27 августа 1941 года).

Отец я увидела совсем плохим: с ним случился удар, и он едва владел речью. Я была потрясена условиями их жизни: изба была грязная, по стенам ползали клопы, уборной не было — только выгребная яма на улице. Я привезла много продуктов, а главное — водки, чтобы задобрить хозяев, которые прекратили топить. Через несколько дней после моего отъезда отец умер. Закопали его в лед, только весной удалось похоронить в землю.

Ужасная смерть, но судьба поща-

дила его в одном: он не знал, какие трагедии выпали на долю его семьи. Не так давно я получила из Израиля поразительную фотографию. Она была сделана в 1933 году, когда мы с Асафом гастролировали в Европе и несколько дней провели в Германии. Гитлер уже пришел к власти, при нас в Берлине произошел поджог Рейхстага, по улицам маршировали штурмовики. И вот в такой атмосфере состоялась встреча с нашими европейскими родственниками из Франкфурта и Парижа — с двумя братьями моего отца и их детьми. На фотографии 12 человек, включая Асафа и меня. Шесть из них погибли в фашистских концентрационных лагерях, а оставшихся в живых разметало по всему свету: сейчас они живут в Израиле, Англии и Южной Африке. Уничтожены были три ветви семьи Мессереров: французская, германская и литовская. Я надеюсь, что память о них, так же, как и память о моих родителях, сохранят внуки и правнуки — люди нового поколения, которые бережно восстанавливают культурные ценности, пропавшие в Холокосте.

Новое имя большого спорта

В 1926 году я, воспитанница хореографического училища Большого театра, отдыхала у моря. Меня поразили один пловец. Его четкие, координированные движения, ритм резко выделялись на фоне общего "барахтанья". Мне тоже захотелось так плавать, и я поинтересовалась, где он этому выучился.

Вверху: С. Мессерер. Слева: в сцене из балета "Дон Кихот". Справа: А. Мессерер и С. Мессерер. Концертный номер "Пьеро и Пьеретта". 1932 г.

Вернувшись в Москву, я пришла в единственную тогда школу плавания при МГСПС и начала тренироваться. Из меня хотели сделать брассистку, но мне больше импонировал стиль поразивший меня стиль кроль.

Спустя год я стала чемпионкой СССР на стометровой дистанции и удерживала это звание в течение четырех лет. Большим событием для физкультурников и спортсменов страны была Всесоюзная спартакиада 1928 года: я также в ней участвовала и была победительницей на своей любимой стометровой дистанции и в эстафете.

Почему я решила оставить спорт? К тому времени, окончив хореографическое училище, я уже стала артисткой балета Большого театра. Мне поручали сложные, ответственные партии. Бессспорно, спорт помог мне в совершенстве овладеть техническим арсеналом балерины. В процессе тренировок развивались и совершенствовались не только физические качества, но и воспитывались сила воли, настойчивость, уверенность. В моих выступлениях на сцене благодаря спорту появилась стабильность, спортивная злость.

А во время отдыха я с удовольствием и много плавала. Я и сейчас, оказываясь в воде, чувствую себя настоящей пловчихой. Сохранились и техника, и координация. Возраста

своего не чувствую. Мне снова двадцать!

Моя Суок

В творческой биографии каждой балерины большую роль играет тот балет, где ей впервые приходится создавать новую, еще никем не исполнявшуюся роль, новый образ, новую танцевальную партию.

Первым балетом, который ставился на меня, были "Три толстяка" по сказке Юрия Олеши. В 1935 году его ставил Игорь Моисеев. Я очень любила этот спектакль. Моисеев считал всегда очень медленно, двадцать раз возвращаясь к одному и тому же. Очень щепетильный был в этом отношении. Его не удовлетворяло, если было хотя бы немного не так, как ему хочется. Моим партнером был великопленный Александр Руденко. Красивый, высокий, стройный, сильный. Передо мной стояла сложная задача — изобразить куклу, не похожую на куклу из балета "Коппелия". В "Трех толстяках", как и в "Коппелии", девушка притворяется куклой. Сухие и отрывистые движения куклы из "Коппелии" я заменила другими, как бы пружинными, с качающимся корпусом и руками. По замыслу композитора В.Оранского и постановщика И.Моисеева, здесь образ девочки, имитирующей куклу, гораздо сложнее, а ситуация — острее и значительнее.

Создавался балет в Поленове, в доме отдыха, где мы тем летом отдыхали. И вот Игорь Моисеев мне говорит: "Иди к Оранскому. Он тебе не написал вариации". Иду к Оранскому с просьбой, а он мне отвечает: "Вот если ты мне устроишь свидание с одной танцовщицей..." И называет имя нашей необыкновенной красивой-танцовщицы, которая не была солисткой. Оранский был в нее влюблен, а она — ноль внимания. А красивый, между прочим, парень был. Но ей не нравился. Наутро беру я к Моисееву разрешать эту проблему. К счастью, написал Оранский мне вариацию. И прямо на улице Моисеев ее и поставил.

Почему Храпченко отменил свой приказ

Вместе с Большим театром в войну я эвакуировалась в Куйбышев. Для артистов Большого театра дали здание школы, где в просторных классах мы и жили. Каждая семья занимала кусочек комнаты. Семьи отделялись занавесками из простыней — вроде коммат, где размещали кровати и свой скарб. В Куйбышеве Большой театр давал спектакли, его художественным руководителем был в то время Асаф Мессерер. Телефон не работал, только дирекция имела право связываться с Москвой. Артисты работали с энтузиазмом, шли многие балеты: "Лебединое озеро", "Дон Кихот", поставили даже новый балет "Алые паруса" по Грину.

Месяца через два в Москве открыли Филиал Большого театра, директором балета назначили Михаила Габовича. В Москве пошла "Тщетная предосторожность", а затем начали репетировать "Дон Кихот". Привлекли Габовича, который поставил великопленный цыганский танец для танцовщицы Сангович. Но примы для "Дон Кихота" не было, и Габович попросил из Куйбышева прислать балерину. Мне предложили, если я согласна, ехать в Москву для участия в "Дон Кихоте", хотя это было опасно, потому что Гитлер стоял уже под Москвой. Я согласилась и приехала в Москву. Свободного въезда в столицу не было, только по специальному вызову.

Спектакль, в котором я танцевала Китри, был почти готов. И вдруг, во время генеральной репетиции, вызывает меня директор — Михаил Габович, и говорит: "Я знаю, это глупость, но по распоряжению председателя Комитета по делам искусств Храпченко из Куйбышева приехала артистка Головкина, которая никогда не танцевала Китри, но приказ — премьеру дать ей. Я — против, но это приказ". Сижу в его кабинете, закрываю лицо руками в полном отчаянии, передо мной на столе список телефонов правительства — "вертушки". Культурой в правительстве занималась тогда Розалия Самойловна Землячка. В отчаянии я беру трубку и по прямому телефону

звоню ей. Объясняю ситуацию, и она, такая милая, говорит грудным голосом: "Будьте у телефона, я вам перезвоню". Минуты через три она звонит и говорит: "Товарищ Мессерер, Храпченко отменил свой приказ. Спокойно танцуйте премьеру". Поблагодарив ее, я, не помня себя от радости, бегу на сцену. Как раз выход Китри, Головкина стоит на выходе. Я крикнула: "Вон отсюда!", и, вылетев в прыжке на сцену, стала танцевать. Габович, смотревший из зрительного зала, высочил на сцену в недоумении. Я крикнула: "Храпченко отменил свой приказ!". Головкина как ни в чем не бывало прокомментировала: "Ничего, я станцую следующий спектакль, но в рецензиях будут хвалить меня". Так и было.

Как я стала примой

В 1929 году я получила балет "Тщетная предосторожность", моим партнером был брат Асаф, уже занимавший положение премьеры в Большом театре. Затем мне дали роль Сванильды в "Коппелии". А в 1932 году был возобновлен балет "Дон Кихот", который репетировала первая балерина — Екатерина Гельцер. Но за десять дней до премьеры она повредила ногу, и мне предложили танцевать премьеру. Я, как всегда, все знала и приготовила весь спектакль за 10 дней. Так я стала примой.

Всю свою артистическую жизнь в театре я занималась в классах Елизаветы Павловны Гердт. Она — великопленный педагог, знала все секреты танцевания. Все нюансы и детали: как перевести руку с одной позиции на другую, как держать кисть руки, что очень важно, корпус, спину, ноги. В классах и на репетициях я была всегда внимательна. Через много лет, когда я уже кончила танцевать, встретила на улице Елизавету Павловну, и она сказала: "Мне, Мита, так тебя не хватает, ты ведь была у меня ведущей в классе, не успеваю я показать комбинацию движений, а ты уже все понимала, и весь класс шел за тобой". Гердт даже написала об этом в своей книге к 175-летию Большого театра.

Я действительно всегда тяготела к педагогике. Думала, профессия танцовщицы опасна: случись что с ногой или спиной, и... Да и когда учишь других, учишься сама, даже на чужих ошибках. Так я стала совмещать профессию танцовщицы и педагога балета. Чтобы стать хорошим педагогом, нужны годы и годы, необходим большой опыт и знание всех танцев, деталей. А главное, надо иметь открытые глаза и терпение. Ученики иногда выводят из себя, а раздражаться нельзя. Тогда ученик начинает нервничать и делает еще больше ошибок. Гердт редко раздражалась, только иногда покрывалась красными пятнами. А вот Ваганова обзывала учениц дурами и кричала на них. С Вагановой я занималась несколько месяцев во время войны, когда она преподавала в Большом театре. Я вечно задавала ей вопросы: "Почему так, а не эдак?" В ответ она, улыбаясь, шепелявила: "Вечно ты задаешь вопросы, но зато ты будешь хорошим педагогом". Однажды она пришла в зал и сказала, что у нее важная встреча и она не может дать урок: "Но Мита Мессерер все знает, она даст вам урок". Тогда я повторила весь вчерашний вагановский экзерсис — и все артисты, которые занимались со мной, удивились: "Как это ты все запомнила?"

Я закончила танцевать в 1950-м, мне шел 42 год. Театр предложил мне продолжать работать педагогом и балетмейстером-репетитором, а также педагогом в балетной школе. В школе я вела классы у старших девочек — последние 3 года обучения. Я никогда не отсоевляла учеников: были талантливые, были не очень. Но все было грамотно обучены и технически оснащены.

В течение 20 лет выпускным спектаклем училища был "Щелкунчик" в Филиале Большого театра. Однажды директор, Элла Бочарникова, спросила меня, кто из учениц моего выпускного класса будет танцевать в "Щелкунчике" — у меня было семнадцать выпускниц. Я ответила, что мне нужно 17 спектаклей, так как все 17 будут танцевать Машу — главную партию. Так оно и было...